

ВОСТОЧНЫЕ ИНТЕНЦИИ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА

Н.В. Анненкова

Н.В. Анненкова

Символизм — одно из значительных явлений философской и культурной жизни России на рубеже XIX–XX веков. Символисты считали себя наследниками всей мировой культуры, заявляя, что им дано пережить «в искусстве все века и все нации» (А. Белый). Говоря о Вяч. Иванове, В. Брюсов писал: «Ему равно близки все времена и страны, он собирает свой мед со всех цветов» (Брюсов В.Я. Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней. М., 1912. С.119). Эти слова можно считать характеристикой всех русских символистов.

Если об интересах русских символистов к европейской культуре и философии существует большая литература, то об их обращении к Востоку написано значительно меньше. Восток, как ближайший сосед России, всегда интересовал русских мыслителей. Свидетельством тому десятки значительных произведений от «Слова о полку Игореве» до значительных работ Вл. Соловьева и евразийцев. Интересен Восток был и для русских символистов. Правда, интерес этот для старших символистов (Д. Мережковский, Ф. Сологуб, К. Бальмонт) заметно отличался от интереса к нему младших символистов (А. Белый, А. Блок, В. Брюсов).

Для старших символистов интерес к Востоку носил по преимуществу общекультурный и религиозный характер. Почти всех их привлекал буддизм. К примеру, у Д. Мережковского — одного из родоначальников русского символизма, есть несколько стихотворений посвященных ему — «Сакья-Муни», «Будда», «Нирвана» и другие. В романтической балладе «Сакья-Муни» (1885) — одном из самых знаменитых «восточных» произведений поэта, будущий Будда склоняет свою венценосную голову перед толпой нищих, отдавая ей из своей короны «исполинский чудный бриллиант» и тем самым уравнивая себя, уже почти бога, с простыми людьми.

Не без влияния буддизма Д. Мережковский характеризует Л. Толстого в своем фундаментальном исследовании «Л. Толстой и Достоевский», показывая, что гений русской литературы положительно относился к буддизму (Подробнее см.: Анненкова

Н.В. Д.С. Мережковский. Интеллектуальная биография и философия. Екатеринбург, 2003). Этому «тайновидцу плоти» был близок пантеизм буддизма, жалость ко всему живому и, следовательно, равенство всего живого.

Более важным для Мережковского было опровержение бытующего в Европе, не без влияния Ницше, отождествления буддизма и христианства. Отталкиваясь от предсмертных размышлений князя Андрея в «Войне и мире», которые были сродни «буддийскому нигилизму», Мережковский утверждает, что нет более несовместимых религий, чем буддизм и христианство. «В христианстве, — пишет он, — последнее соединение двух начал, центробежного и центростремительного; в буддизме — последнее разъединение этих начал и единство, достигаемое посредством уничтожения одного начала другим — центробежного центростремительным, начала Я началом не-Я. В христианстве жизнь и смерть для воскресения; в буддизме жизнь для смерти и смерть для смерти без воскресения. В христианстве отрицание земного, как реального, и утверждение земного, как символического, предназначенного; в буддизме только отрицание, как единственная реальность. В христианстве вечное *да* и вечное *нет* вместе; «Да будет воля Твоя на земле, *как на небе*», — воля Отца Небесного соединяет землю с небом, делает землю небесною, небо — земным; в буддизме небо поглощает, уничтожает землю, так что земли уже нет, ничего нет, кроме неба, «но и того даже нет, ничего нет кроме тишины, успокоения», уничтожения, небытия, Нирваны — страшного толстовского «Воскресения» — и «слава Будде» (Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С.183).

Буддистские мотивы встречаются и у Ф. Сологуба, которого в особенности привлекала легенда о перерождении Будды (См. его стихотворения «Мне страшный сон приснился», «Собачка седого короля»). Идею метемпсихоза он использовал для создания собственной теории смены человеком своих «личин» — внешних обликов на пути к собственному возрождению.

Еще один старший символист К. Бальмонт много путешествуя по Ближнему и Дальнему Востоку, побывав в Японии увлекся не только и не столько культурной и поэзией, сколько его религиозными учениями, особенно дзен-буддизмом. Многие произведения К. Бальмонта, являющиеся реминисценциями дзен-буддизма, дают основания исследователям считать, что именно дзен-буддизм является мировоззренческой основой большей части творчества поэта. В стихотворениях «Маяя», «Из Упанишад» и других он в духе буддизма характеризует «формальный мир» как «обман», «бездушный, немой океан». В других стихотворениях поэт утверждает, что человек не должен искать счастья вне себя, оно — в нем самом, а выражение счастья не в хотении чего-либо, а наоборот — в нежелании. Другими словами человек должен освободиться от рационального и социального, как ложного, и отдаться иррациональному, слиться с природой, раскрыться в ней и на какой-то единый

миг оказаться счастливым. Это ошущаемое как миг всеединства и есть одна из доминант буддизма, столь привлекательная для К. Бальмонта.

По иному был интересен Восток для младших символистов. Интерес этот во многом был определен работами Вл. Соловьева — прямого предшественника их теоретических представлений. От Соловьева идет укоренившаяся в русской мысли концепция «двух Востоков», выраженная философом в знаменитом стихотворении «Ex oriente Lux»

*О Русь! В преддверии высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким Ты хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса или Христа.*

Эту свою концепцию философ обговаривал неоднократно и каждый раз специфически, через призму религиозного противопоставления христианства, как молодого, динамично развивающегося начала, имеющего прогрессивную тенденцию к объединению человечества, и буддизма (реже мусульманство), как косного, устремленного в прошлое, уже не развивающегося начала.

Хотя «буддизм» — это равнодушие и покорность судьбе, у него есть обратная сторона — агрессивность, которая, по мнению Соловьева, несет угрозу христианскому миру. Об этой угрозе философ писал в своем знаменитом стихотворении «Панмонголизм» (1894), а годом ранее — в статье «Враг с Востока» (1893). В ней он предупреждал: «Есть основания думать, что дальняя Азия, столько раз выславшая опустошительные полчища своих кочевников на христианский мир, готовится в последний раз против него выступать с совершенно другой стороны: она собирается одолеть нас своими культурными и духовными силами, сосредоточенными в китайском государстве и буддийской религии» (Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т.2. С.480). Наконец, в своем завещании — книге «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899-1900) и особенно в содержащейся в ней «Краткой повести об антихристе» философ «конец всемирной истории» связывает со злом «панмонголизма» — агрессивным символом Востока: «Двадцатый век по Р.Х. был эпохой последних великих войн, междоусобий и переворотов. Самая большая из внешних войн имела своею отдаленною причиною возникшее еще в конце XIX в. в Японии умственное движение «панмонголизма» (Там же. С.736).

Эти идеи Соловьева были восприняты «младшими символистами» — соловьевцами, особенно А. Белым. Он был близко знаком с Вл. Соловьевым и особенно с его племянником С.М. Соловьевым. Обращаясь к последнему А. Белый уже после русско-японской войны и падения Порт-Артура писал:

*Ты помнишь? Твой покойный дядя,
Из дали безвременной глядя,
Вставал в метели снеговой
В огромной шапке меховой,
Пророка светопредставление...
Потом — японская война,
И вот — артурское пленение...*

Именно А. Белый неоднократно писал о двух враждебных России (Христа) силах — Востока и Запада (Ксеркса). В 1907 г. у него возник замысел написать трилогию «Восток или Запад», в которой он намеревался проанализировать средствами художе-

ственной формы национально-историческую судьбу России, в которой противоречиво сосуществуют два начала — европейское и азиатское. Написать А. Белый успел лишь две книги трилогии. Первой была и повесть в семи главах — «Серебряный голубь» (1909), выражающая по замыслу автора «восточное начало» — иступленно-страстное, темное и иррациональное, представленное в повести сектой голубей и колдуном Кудеяром. Главный герой повести пытается в традициях русского народничества соединиться с этим восточным началом и... гибнет. Незадолго до этого явный западник барон Тодрабе-Граабен предупреждает: «Россия — монгольская страна; у нас всех — монгольская кровь, не ей удержать нашествие: нам всем предстоит пасть ниц перед богдыханом» (Белый А. Серебряный голубь. М., 1989. С.306). В «Серебряном голубе» окончательных выводов нет, но проблема поставлена и в яркой художественной форме выражена. Как пишет в своей рецензии Н.А. Бердяев, «роман А. Белого поражает своей глубокой художественной правдой, глубоким чувством России. Глубоким проникновением в народную жизнь. В нем нет никакой ложной идеализации народа. Нет народнической слащавости. А. Белый что-то новое почуял в русской стихии, в русской народной жизни, какую-то жуткую страсть, скрытую от русской литературы народнической полосы. Эта жуткая страсть, сладострастие томящегося духа, таится не только в русском мистическом сектанстве, но и вообще в русской народной стихии» (Бердяев Н.А. Русский соблазн: По поводу «Серебряного голубя» А. Белого//Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. С.426). Это и есть Россия Христа. А весь нигилизм Востока (а у А. Белого и Запада) Ксеркса писатель изобразил в своем романе «Петербург» — второй книге трилогии. В нем, как ни в каком другом своем произведении, автор близок к соловьевским идеям «двух Востоков» и предшествующему апокалипсису, но при этом добавил и свои особенности их толкований. Первое своеобразие в трактовке А. Белым «панмонголизма». Оно состоит в том, что у Вл. Соловьева «панмонголизм» лишь внешняя опасность, грозящая России и Европе за их разобщенность в делах христианства, а у А. Белого «панмонголизм» — опасность внутренняя, уже заразившая русских людей. Второе отличие А. Белого в утверждении, что опасность России грозит не только с Востока, но и с Запада, который у него постоянно смыкается с Востоком Ксеркса. Символом враждебности Запада в «Петербурге» является Медный Всадник. Именно в преобразовательных действиях Петра в Россию ворвалась западная цивилизация и культура и с этого момента «надвое разделилась Россия»; надвое разделились и самые судьбы Отечества» (Белый А. Петербург. М., 1981. С.99).

Что же касается апокалипсиса, то у Белого он не менее страшен, чем у Соловьева. Будет землетрясение («трус»), «великое будет волнение: расщелется земля, самые горы обрушатся от великого труса; в родные равнины от труса изойдут повсюду горбом. На горбах останется Нижний, Владимир и Углич. Петербург же опустится» (Там же). Но и это не все. «Бросятся с мест своих в эти дни все народы земные; брань великая будет, — брань, небывалая в мире: желтые полчища азиатов, тронувшись с насиженных мест, обгадят поля европейские океанами крови; будет, будет — Цусима! Будет новая Калка... Под монгольской тяжелой пятай опустятся

европейские берега, и над этими берегами закурчивается пена» (Там же).

В «Петербург» А. Белого два главных действующих лица — отец и сын Аблеуховы: отец — сенатор, реакционер, «древний туранец», т.е. несущий восточное туранское начало; сын — революционер и последователь неокантианцев, считающий, однако, что и «Кант был туранец». И тот, и другой враждебны России Христа и обсуждают «стародавнее монгольское дело». Как пишет Н. Бердяев, «от Вл. Соловьева унаследовал А. Белый ужас перед монгольской опасностью. И он ощущает монгольскую стихию внутри самой России, внутри русского человека. Николай Аполлонович, как и отец его, глава учреждения, — монгол, туранец. Монгольское начало правит Россией. Монголь-

ский Восток раскрывается в самом русском Западе. Туранско-монгольское начало, мерещится А. Белому и в кантианстве. А. Белый изображает конец Петербурга, его окончательное распыление». (Бердяев Н.А. Астральный роман. Размышление по поводу романа А. Белого «Петербург»//Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. С.445).

Третий роман на восточную тему А. Белому написать не удалось. Интерес к Востоку остался, хотя бы к теософии Е. Блаватской и антропософии Р. Штайнера, но социальная актуальность поменяла знаки. Началась первая мировая война и Запад Ксеркса стал реальной угрозой для России Христа.

Е.А. Сеньшин

КОНФЛИКТ РОССИИ И КИТАЯ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕИЗБЕЖНОСТЬ?

*«Там лежит гигант. Пусть он спит!
Когда он проснется, он сотрясет мир».*
Наполеон Бонапарт о Китае.

История взаимоотношений России и Китая полна конфликтов. Время противостояния не закончилось и вполне возможно, что впереди Россию ждет конфликт с Китаем.

КИТАЙ — МИРОВАЯ ДЕРЖАВА XXI ВЕКА

Еще в 80-х прошлого века руководство Китая пришло к выводу, что в XXI столетии мир станет многополюсным. Сегодня Китай стремится быть одним из таких полюсов, быть новой мировой державой.

Начиная с 1978 года, начался экономический рост Китая. Если в 1950 году на Китай приходилось 3,3% мирового ВВП, то в 1992 году этот показатель составил уже 10%. По прогнозам различных экспертов, доля Китая в мировом ВВП к 2025 году составит уже 20%; к 2050 году Китай выйдет на второе место в мире по объемам торговли.

По оценке Всемирного банка реконструкции и развития, экономика КНР превращается в четвертый мировой центр экономического развития (наряду с США, Японией и Германией). Валютные резервы Китая составляют 91 млрд. долл., уступая в мире по этому показателю только Японии и Тайваню. Необходимо отметить огромное положительное saldo торгового баланса КНР в торговле с США — благодаря импорту из Китая американцы лишаются 680 тыс. рабочих мест в год.

Мировые военные расходы стран мира сократились с 1987 по 2000 год с 1,3 трлн. долл. до 840 млрд. долл., но эта мировая тенденция не коснулась Восточной Азии. Наибольший скачок военных расходов среди восточно-азиатских стран произошел в Китае. Начиная с 1991 г., КНР увеличила их на 17% в год. При оценке по официальному обменному курсу уровень военных расходов к 2000 году составил порядка 40 млрд. долл., а по реальной покупательной способности — 90 млрд. долл. Большинство западных экспертов считают,

Евгений
Сеньшин,
магистрант
факультета
политологии
и социологии
Уральского
государственного
университета.

что реальные китайские оборонные расходы в 3-5 раз превышают те, которые называются в официальной информации о военном бюджете.

На начало XXI века на вооружении китайской армии находилось порядка 6 тысяч боевых самолетов, 9200 танков, 30 межконтинентальных баллистических ракет с разделяющимися боеголовками, 57 надводных кораблей и 53 подводные лодки.

Народно-освободительная армия Китая (НОАК) остается самой большой по численности в мире, насчитывая в своих рядах 2,9 млн. военнослужащих. Помимо этого КНР ставит целью качественную модернизацию своих вооруженных сил. Китай занимает третье место по мощности ядерного потенциала.

Несмотря на постоянный рост военных расходов, вооруженные силы КНР до сих пор оснащены в массе своей устаревшими образцами вооружения и не способны вести крупномасштабные боевые действия. От России и США Китай отстает в этом отношении на 10-12 лет.

ПОЧЕМУ КИТАЮ НЕОБХОДИМА ТЕРРИТОРИЯ СОСЕДНИХ СТРАН?

В Китае проживает около 1/5 населения земного